

ГЕРЦЕН В МОСКВЕ

Сообщение С.К. Романюка

Герцен родился в Москве 25 марта/6 апреля 1812 г. в доме своего дяди Александра Алексеевича Яковлева на Тверском бульваре (ныне № 25). Этот хорошо сохранившийся до нашего времени дом (в нем теперь помещается Литературный институт им. А.М. Горького) был приобретен А.А. Яковлевым по купчей, датированной 25 августа 1811 г.¹, за 5000 р. у С.Б. и Д.Б. Островских, наследников московского обер-полицмейстера Б.П. Островского, преданного в 1785 г. Екатериной II суду за взятки. Возможно, что дом на Тверском бульваре был построен именно при нем.

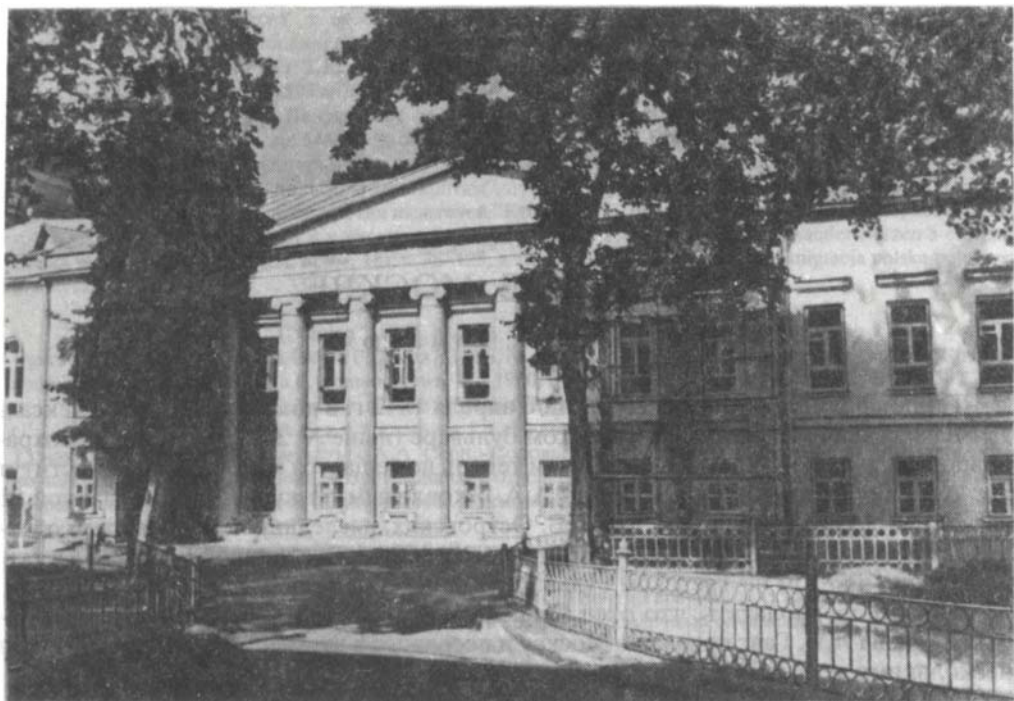
Можно предполагать, что отец Герцена И.А. Яковлев вместе с будущей матерью Герцена Л.И. Гагг приехал в Москву и поселился в этом доме осенью 1811 г. или несколькими месяцами позже – зимой следующего, 1812 г.

В этом же доме родилась и будущая жена Герцена – его двоюродная сестра, незаконнорожденная дочь А.А. Яковлева – Н.А. Захарьина. Она писала 4 апреля 1838 г. Герцену во Владимир: “Александр, приходило тебе когда в голову это? Вообрази, мой друг, мы родились с тобой в одном доме, в одной церкви, говорят, крещены, может, в одной купели. Только сегодня я сделала открытие, что у нас в доме есть старушка, которая все это знает” (Павл., 556). “Ты ошибаешься, – отвечал ей Герцен, – думая, что я не знал, что родился в одном доме с тобою, в доме твоего отца (...) В Вятку привезли раз множество картин от Дациаро, перебирая их, я встретил Тверской бульвар и тот дом, наш дом. Я на фронтоне надписал твое имя и мое...” (XXI, 355).

В метрической книге церкви св. Иоанна Богослова, к приходу которой принадлежал дом на Тверском бульваре (церковь сохранилась, она примыкает к зданию театра им. А.С. Пушкина), есть запись о рождении Н.А. Захарьиной: “Октября 22-го 1817 года в доме Генерала Александра Алексеевича Яковлева от приезжей иностранки Ксении родилась Наталия дочь Александрова Захарьина благородная крещена того ж октября 24-го восприемники Александр Алексеевич генерал Яковлев, восприемница генералша Елисавета Алексеева Голохвастова”².

В той же метрической книге находятся записи о рождении братьев и сестер Н.А. Захарьиной. Так, 19 августа 1819 г. датирована запись о рождении Петра Захарьина “от приезжей иностранной дворянки Ксении”³, 11 апреля 1821 г. – Екатерины⁴, 26 мая того же года – Павла⁵, 11 марта 1823 г. – Марии⁶, 4 июля 1824 г. – Марфы⁷. У всех, кроме Петра, имя матери указано не было – они родились у некоего “приезжего иностранного дворянина Александра Захарова Захарьина”.

Из всех детей А.А. Яковлева, метрики которых сохранились, только у Натальи Александровны, старшей дочери, восприемницей была член семьи Яковлевых, сестра Александра Алексеевича, Е.А. Голохвастова. Остальных же детей крестили либо дворовые, либо малолетние дети “иностранного дворянина” Захарьина, либо А.А. Яковлев. Итак, крестной матерью Натальи Александровны была ее тетка. Вероятно, именно поэтому она одна из всех детей А.А. Яковлева была взята после его смерти в дом другой своей тетки, княгини М.А. Хованской. В связи с этим соображением достоверность рассказа Т.П. Пассек⁸ о том, что причиной оставления Наташи Захарьиной в доме М.А. Хованской было то, что она “не отходила от княгини” и

МОСКВА. ДОМ Н.А. НЕБОЛЬСИНА (НЫНЕ САДОВО-КУДРИНСКАЯ, 15)

Фотография, 1980-е годы

Собрание С.К. Романюка, Москва

В доме Н.А. Небольсина в 1814–1817 гг. жил И.А. Яковлев с семьей

имела печальный и трогательный вид, вызывает сомнение. Впрочем, обе причины могли сопутствовать друг другу. Вероятно, объяснение Герцена (в “Былом и думах”), что Хованская привезла Наташу к себе в Москву “и оставила у себя” потому, что “ребенок восьми лет поразил ее своим грустно-задумчивым видом”, имело второстепенное значение.

Через несколько дней после вступления французской армии в Москву Яковлевы сделали попытку переселиться в дом на том же Тверском бульваре, принадлежавший П.И. Голохвастову – мужу сестры И.А. Яковлева (нынешний № 13), но так как он уже был охвачен огнем, то семья переехала в сад этой усадьбы за главным домом. Но, как сообщил сын Голохвастова, Дмитрий Дмитриевич в 1874 г.⁹, семья И.А. Яковлева нашла кратковременный приют в доме сестры бабки Герцена – княжны А.Б. Мещерской. Ее усадьба находилась на углу Большой и Малой Бронной улиц. От главного дома усадьбы сохранились лишь фундамент и часть стен. Современный адрес его – Большая Бронная улица, д. № 6. На плане этого участка, снятого в 1802 г.¹⁰, в центре усадьбы показаны одноэтажные каменные палаты, а за ними сад, граничивший с садом владения П.И. Голохвастова. В этом доме, по словам Натальи Александровны, она впервые увидела Герцена: “Тот день, когда я тебя видела в первый раз с папенькой и с Егор(ом) Ив(ановичем) в доме княж(ны) Анны Бор(исовны), так же ясен и теперь, как тогда” (Павл., 53). О саде этой усадьбы Герцен писал в 1837 г.: “Я вспомнил, как еще в том доме, где жила княжна Анна Борисов(на), ты меня много раз водила в сад, кормила смородиной; ты была тогда ребенок – прелестный ребенок...” (XXI, 185). И Герцен, и Пассек, описывая этот дом, упоминали о том, что Хованская занимала флигель, находившийся с левой стороны от главного здания усадьбы.

В 1813 г. усадьба Мещерской перешла к Хованской, ее племяннице, по купчей, а в сентябре 1833 г. она продала ее Д.П. Голохвастову¹¹. Старинный особняк был в

МОСКВА. ДОМ Е.М. ЕРМОЛОВОЙ (НЫНЕ ВОЛХОНКА, 18)

Фотография, 1980-е годы

Собрание С.К. Романюка, Москва

В доме Е.М. Ермоловой в 1817–1819 гг. жили И.А. Яковлев с семьей и его брат Л.А. Яковлев

1883 г. значительно перестроен для еврейского молитвенного дома банкиром Л.С. Поляковым¹² и еще раз переделан в 1953–1957 гг.¹³

Из дома Мещерской Яковлевы в те же сентябрьские дни 1812 г. переехали в усадьбу князя П.И. Одоевского, главный дом которой выходил в Камергерский переулок (сейчас в этом неоднократно перестраивавшемся доме помещается Московский Художественный театр (№ 4); ее сад выходил на Тверскую площадь узким клином, рядом с алтарями церкви Космы и Дамиана в Шубине (здание церкви сохранилось, Столешников пер. № 2).

После изгнания французов Яковлев с семьей возвращается в “белокаменную”.

Т.П. Пассек сообщает, что “Иван Алексеевич, по приезде в Москву, нанял вместе с братом своим сенатором Львом Алексеевичем большой дом в приходе Рождества в Путинках”¹⁴. М.К. Лемке повторяет это утверждение: “Переехав из с. Глебовского в Москву в 1813 г., И.А. Яковлев нанял себе вместе с братом Львом дом в приходе церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках, одной из самых ярких достопримечательностей Москвы”. Далее он добавляет, что “по отсутствию каких бы то ни было других, более точных указаний, определить место этого дома ныне не представляется возможности” (Л XII, 170). Это мнение проникло в последующие труды о Герцене¹⁵.

Поиски упоминаний о семье Яковлевых в документах, относящихся к приходу церкви Рождества в Путинках (церковь сохранилась – бывшая Малая Дмитровка, ныне ул. Чехова, № 4) не дали положительных результатов. Пришлось обратиться к обширному комплексу архивных документов – исповедных, метрических, маклерских, квартирных книг по различным полицейским частям и церковным приходам Москвы за 1813–1814 гг.

В первый раз имена отца и дяди Герцена встретились в маклерской книге Пресненской части Москвы за 1814 г. В нее был внесен текст договора о найме дома пол-

ковника Н.А. Небольсина: “1814 года ноября 15-го дня я нижеподписавшаяся действительная статская советница Авдотья Силверстова дочь Небольсина по договоренности дала сие условие господам действительному камергеру и кавалеру Льву и гвардии капитану и кавалеру Ивану Алексеевичам Яковлевым в том, что дала я Небольсина в наем каменный дом состоящей в Москве в Пресненской части 1-го квартала под № 81-м вверенный мне от племянника моего полковника и кавалера Николая Андреевича Небольсина с имеющеюся во оном мебелью и с принадлежащими ко оному дому службами, как-то конюшнею, каретным сараем, кухнею, прачишною, все сие без исключения... сроком на девять месяцев, считая с заключения сего ценю за четыре тысячи рублей государственными ассигнациями”¹⁶. Следующий документ о найме этого дома датирован сентябрем 1816 г. – братья Яковлевы сняли его с 1 сентября 1816 г. по 1 мая 1817 г.¹⁷

Дом Н.А. Небольсина сохранился – его современный адрес: Садовая-Кудринская ул., № 15. Большой участок, на котором он стоит, в конце XVIII в. принадлежал обер-прокурору (впоследствии министру коммерции, видному масону), князю Г.П. Гагарину. Возможно, что при нем в 1780–1790-х годах и был построен главный дом усадьбы. На плане 1792 г.¹⁸ изображен главный дом, стоящий торцом к “проезду подле Земляного города” (нынешняя Садовая-Кудринская), позади него находилась обширный сад с несколькими прудами.

В 1811 г. усадьба перешла к гвардии полковнику, потом московскому гражданскому губернатору Н.А. Небольсину. Пожар 1812 г. обошел эти места, и дом остался цел. Вдова Небольсина в декабре 1848 г. продала усадьбу сыну Ф.В. Ростопчина, графу Андрею Федоровичу. Он устроил на втором этаже этого дома картинную галерею. В 1852 г. участок перешел к княгине С.С. Щербатовой, а с 1882 г. в доме помещалась Софийская детская больница. Сейчас здесь находится Городская детская клиническая больница им. Н.Ф. Филатова. Весьма вероятно, что Герцен в “Записках одного молодого человека” описал именно этот дом: “До пяти лет¹⁹ я ничего ясно не помню, ничего в связи... Голубой пол в комнатке, где я жил; большой сад, и в нем множество ворон” (I, 259). Необходимо сказать, что ни на одном другом городском участке, где жили Яковлевы, не было такого большого сада, как здесь.

О семье Яковлевых, живших в этом доме, сохранились также записи в метрической книге церкви св. Ермолая, что на Козьем болоте, к приходу которой принадлежал дом Небольсиной. Так, 18 апреля 1815 г. “в доме Госпожи Небольсиной живущего по найму Господин(а) Иван(а) Алексеевич(а) Яковлев(а) дворового человека Василия Карпова у него родилась дочь Пелагея...” Восприемницей ее была мать Т.П. Пассек – “госпожа Наталья Петровна Кучина”²⁰, а 28 ноября 1816 г. сына того же Василия Карпова крестили “генерал Лев Алексеич Яковлев” и мать Герцена “мамзель Луиза Иванова”²¹.

С 30 июля 1817 г. Яковлевы нанимают у генерал-майорши Е.М. Ермоловой “каменный трехэтажный дом и со всеми ко оному принадлежностями весь без исключения, как-то флигерь в один этаж, в коем кухня с приспешною, тремя особенными комнатами и с чуланами, второй особенный корпус в два этажа, в котором каретный сарай и конюшня на 13 стойлов, вверху над оным для кладки сена и в другом отделении анбар с 4-мя закромами и с жилой комнатою и особенный погреб...”²² Главный дом этого владения на Волхонке – № 18, сейчас в нем Институт русского языка Российской Академии наук, а в 1944–1992 гг. помещалась редакция “Литературного наследства”. Ермолова приобрела его в апреле 1814 г. и позднее, 22 декабря 1831 г., он был продан для Московской губернской гимназии. Этот дом изображен на картине художника А.П. Боголюбова из собрания И.С. Зильберштейна, изображающей закладку храма Христа-Спасителя (1839), переданной в Музей личных коллекций при Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. В 1880-х годах к левому крылу дома была сделана пристройка, выходящая на угол Пречистенского (ныне Гоголевского) бульвара. Напротив дома в то время, когда там жил Герцен, находился

* С 1944 по 1986 г. редакция занимала комнату на первом этаже (№ 1), а затем, до 1992 г., на втором (№ 29).

древний Алексеевский женский монастырь, основанный митрополитом Алексием в XIV в. в местности южнее Остоженки и переведенный сюда в 1547 г. В 1839–1883 гг. на его месте был построен храм Христа-Спасителя, первоначально предполагенный к постройке на Воробьевых горах.

Яковлевы живут на Волхонке с августа 1817 г. по август 1819 г.²³ Они упоминаются как в исповедных, так и в метрических книгах церкви Ржевской Божьей матери, что у Пречистенских ворот. Здесь есть записи от 26 декабря 1817 г. о том, что “у живущаго (...) Льва Алексеевича Яковлева дворового человека Константина Дмитриева родилась дочь Татиана...”²⁴ Этот “Константин Дмитриев” – не кто иной, как К.Д. Толочанов, трагическая смерть которого в 1821 г. так запомнилась Герцену (VIII, 45, 46). В этом же доме 17 июля 1818 г. отмечено и другое происшествие: “умре в доме генерал-майорши Елизаветы Михайловны Ермоловой у живущего в оном господина гвардии капитана Ивана Алексеевича Яковлева утопший нечаянно в колоде дворовый его человек Василий Петров 20 лет...”²⁵

В октябре 1819 г. братья Яковлевы переезжают в каменный двухэтажный дом тайной советницы Е.Н. Левашовой на Покровке²⁶. Дом сохранился (ныне № 1). Бок о бок с ним находилась усадьба родителей Тютчева. Участок Левашовой был не очень велик, он занимал территорию между двумя переулками – Армянским и Деятинским и выходил на Покровку. Главный дом был построен, вероятно, в 1740-х годах княгиней М.С. Голицыной²⁷ и дошел до нашего времени в хорошей сохранности. В 1744–1789 гг. владельцами усадьбы были Хитрово, в 1798–1839 гг. Левашовы, с 1839 по 1908 г. – купеческая семья Корзинкиных.

В исповедных ведомостях церкви Космы и Дамиана на Покровке за 1820 г. записаны по дому Левашовой “живущие по найму действительный камергер Лев Алексеевич Яковлев 56 (лет), капитан гвардии Иван Алексеевич 55 (лет), их воспитанники Георгий 25 (лет), Александр 9 (лет) Ивановы”²⁸. Когда братья жили вместе, писал Герцен, “хозяйство было общее, имение нераздельное, огромная дворня заселяла нижний этаж...” и “общая прислуга состояла из тридцати мужчин и почти стольких же женщин” (VIII, 23, 41). Можно сравнить эти данные с данными исповедных ведомостей. В ведомости за 1820 г. у Яковлевых перечислены двадцать два человека дворовых, а за 1821 г. тридцать девять человек, включая женщин и детей.

В последний раз Яковлевы совместно нанимают дом 1 октября 1821 г. – они заключают контракт со статской советницей А.Н. Мусиной-Пушкиной на наем деревянного дома на каменном фундаменте с ледником, амбаром, конюшней и прочим²⁹. Несохранившийся двухэтажный дом, с низким первым этажом и высоким деревянным вторым был расположен по красной линии Денежного переулка, недалеко от Арбата и приходской церкви Троицы (теперь – ул. Веснина, № 17). В этом доме И.А. Яковлев с семьей жил до переезда в собственный дом. Здесь, вероятно, и произошло самоубийство К.Д. Толочанова, о котором Герцен пишет в “Былом и думах”, но в метрических ведомостях церкви Троицы на Арбате запись о его смерти не обнаружена.

После раздела имущества между братьями Л.А. Яковлев поселился отдельно от Ивана Алексеевича – 11 января 1823 г. он получил подтверждение – “данную” – покупки с аукциона дома коллежского асессора, архитектора И.Л. Мироновского на Арбате³⁰ (современный № 24, дом не сохранился). После переезда Л.А. Яковлева на Арбат «мы приехали одни на нашу большую квартиру, опустевшую и мертвую, – пишет Герцен в “Былом и думах” о доме в Денежном переулке. – Вскоре потом и отец мой купил тоже дом в Старой Конюшенной» (VIII, 28).

И.А. Яковлев приобрел дом в Большом Власьевском переулке, в приходе церкви св. Власия, что в Старой Конюшенной, у отставного поручика А.П. Румянцева по купчей, заключенной 7 августа 1823 г., за 10 000 рублей ассигнациями³¹. Нынешний адрес этого несохранившегося дома – Б. Власьевский переулок, № 14. Это был тот “старый” дом, который неоднократно вспоминался и Герценом и Огаревым^{2*}.

2* М.К. Лемке сообщает, что дом был куплен “до 1835 г.” (Л XII, 180); в ЛЖГ I указан год приобретения – 1824 (с. 33). Этот год назван в письме Герцена к Ю.Ф. Куроте от 6 сентября 1839 г. (XXII, 40).

Дом показан на плане 1806 г. в усадьбе князя П.П. Шаховского³²; в 1870-х годах он увеличивается пристройками справа и слева, а перед ним по красной линии Б. Власьевского переуллка строится жилое здание. “Старый” дом по литературным данным был сломан вскоре после того, как он был сфотографирован в 1912 г.³³ На фотографии, многократно воспроизводившейся в печати, изображен фасад дома, которому, очевидно, в 1870-х годах был придан новый декор, и он стал совсем не похож на дом, который, по выражению Т.П. Пассек, напоминал фабрику.

Незадолго перед тем отец “Ника” статский советник П.Б. Огарев приобрел большой дом у Никитских ворот – купчая с Д.Н. Бантыш-Каменским была заключена 1 августа 1823 г.³⁴ Дом был выстроен, очевидно, в первой половине XVIII в. В начале XIX в. он принадлежал князю Я.И. Лобанову-Ростовскому, потом Д.Н. Бантыш-Каменскому. Известен рисунок его фасада, относящийся к 1834 г., когда им владела А.П. Плаутина, сестра Н.П. Огарева. В 1860-х годах фасад был переделан, и на доме надстроен третий этаж. Его нынешний адрес – Большая Никитская, № 23/16, на нем со стороны Никитского бульвара помещена мемориальная доска.

В этом доме мальчиком жил Огарев вместе с гувернером К. Зонненбергом. Как вспоминал Герцен, «когда Нику было лет пятнадцать, Карл Иванович завел было лавку, но, не имея ни товара, ни покупателей и растратив кой-как сколоченные деньги на эту полезную торговлю, он ее оставил с почетным титулом “ревельского негодянта”» (VIII, 93). Объявление о его торговом начинании появилось в “Московских ведомостях” (1829 г., № 11 от 6 февраля, с. 530): “Карл Зонненберг честь имеет известить Почтеннейшую Публику, что он открыл у Никитских ворот в доме Г-на Огарева магазин сукон, косметических и других товаров. В сем магазине продаются: настоящая Кельнская вода (одеколонь), духи, помада, по пурри, померанцевая вода, мыло и пр., и пр.; все сии вещи получаютс я им с самых лучших заведений. Желая заслужить благосклонность Почтеннейшей Публики, он поставит себе в непременною обязанность иметь в своем магазине самые свежие и лучшей доброты товары и продавать их по умеренным ценам”.

Позднее И.А. Яковлев приобрел себе еще один особняк в той же Старой Конюшенной. Этот дом – “большой”, как его называли, – расположен на углу Малого Власьевского переуллка (теперь ул. Танеевых) и Сивцева Вражка (современный его номер – 25/9). По словам самого Герцена, это произошло в 1830 г. (VIII, 94), а М.К. Лемке в своих комментариях приводит 1835 год (*Л* XII, 180). По обнаруженному тексту купчей крепости покупка состоялась 13 апреля 1833 г.: “Генерал(а) от инфантерии обер-камергера вдовствующая супруга Екатерина Петрова дочь Растопчина продала гвардии отставному капитану и кавалеру Ивану Алексееву сыну Яковлеву” участок вместе со строениями за 30 000 р. ассигнациями³⁵. По словам М.К. Рейхель, этот дом был обведен галереей (см. выше ее письма к Е.С. Некрасовой).

Именно в этом доме был арестован Герцен в ночь на 21 июля 1834 г.; отсюда он был препровожден под арест. Вот как передает Герцен этот эпизод в главе IX “Былого и дум”, когда полицмейстер Ф.И. Миллер обращается к нему: “Я вас попрошу покамест одеться: вы поедете со мной. – Куда? – спросил я. – В Пречистенскую часть, – ответил полицмейстер успокоивающим голосом...” (VIII, 180).

По традиции местом тюремного заключения Герцена считается дом под № 22 на Пречистенке. Именно это утверждается в одном из лучших путеводителей по Москве, изданных еще до революции³⁶. Фотография дома приведена в т. 62 “Литературного наследства” с соответствующей подписью (с. 255). Однако в 1834 г. здание Пречистенской полицейской части, или, как оно иногда называлось, “сезжий двор” и “частный дом”, находилось не на Пречистенке, а неподалеку, в Штатном переуллке (ныне Кропоткинский переуллок, № 23) – это здание находится сейчас на территории Института судебной медицины им. В.П. Сербского. Двухэтажный каменный дом в Штатном переуллке, принадлежавший действительной статской советнице А.А. Комбурлей, был в январе 1818 г. продан казне для устройства сезжего двора Пречистенской части³⁷, который и находился там без перерыва до 1917 г.³⁸

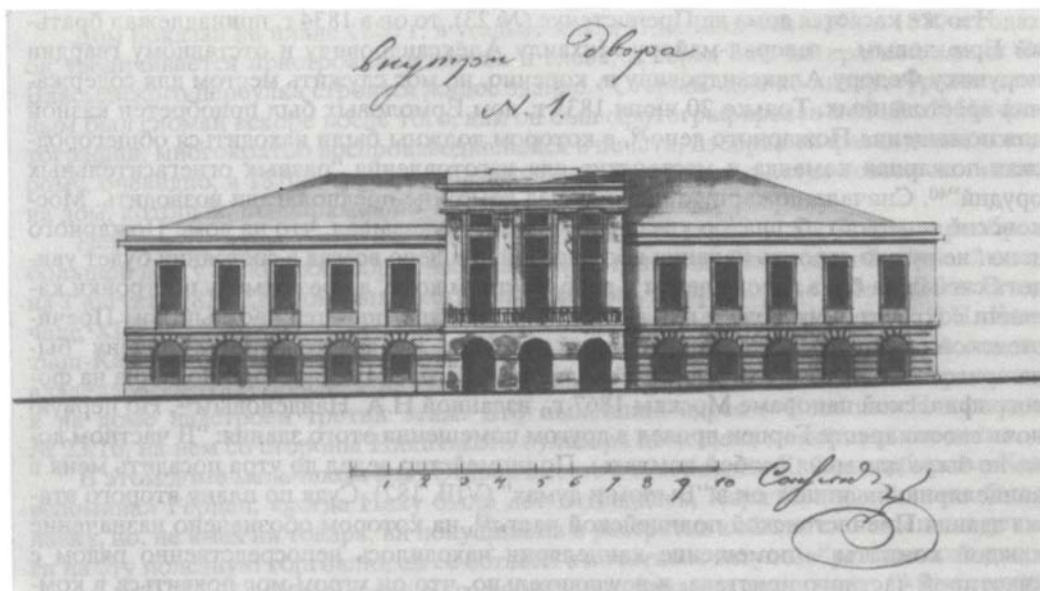
Что же касается дома на Пречистенке (№ 23), то он в 1834 г. принадлежал братьям Ермоловым – генерал-майору Михаилу Александровичу и отставному гвардии поручику Федору Александровичу и, конечно, не мог служить местом для содержания арестованных. Только 20 июня 1835 г. дом Ермоловых был приобретен казной для помещения Пожарного депо³⁹, в котором должны были находиться общегородская пожарная команда и мастерские для изготовления “разных огнегасительных орудий”⁴⁰. Сначала пожарную каланчу над домом не предполагали возводить. Московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын указывал, что на доме Пожарного депо “не нужно строить каланчи ибо часовой при депо всегда в состоянии будет увидеть сигнал на близ находящемся к депо Частном доме, а чрез отмену постройки каланчи сократятся издержки для депо”^{3* 41}. Здесь упоминается частный дом Пречистенской полицейской части в Штатном переулке, где арестованному Герцену “была приготовлена комната под самой каланчой” (VIII, 184) – она хорошо видна на фотографической панораме Москвы 1867 г., изданной Н.А. Найденовым⁴². Но первую ночь своего ареста Герцен провел в другом помещении этого здания: “В частном доме не было для меня особой комнаты. Полицейстер велел до утра посадить меня в канцелярию”, – пишет он в “Былом и думах” (VIII, 182). Судя по плану второго этажа здания Пречистенской полицейской части⁴³, на котором обозначено назначение каждой комнаты – помещение канцелярии находилось непосредственно рядом с квартирой частного пристава, и неудивительно, что он утром мог появиться в комнате, где провел ночь Герцен и где арестант был свидетелем красочной сцены, разграниченной с содержательницей публичного дома и “полпивщиком”. Эта комната помещалась в середине здания, и окно ее было обращено в сторону обширного незастроенного двора полицейской части. Герцен вспоминал в “Былом и думах”: “Я видел в окно, как приехал наш дворецкий и привез мне подушку, одеяло и шинель. Он просил о чем-то унтера, вероятно, о позволении взойти ко мне. Это был седой старик, у которого я ребенком перекрестил двух или трех детей. Унтер грубо и отрывисто отказывал ему. Один из наших кучеров стоял возле. Я им закричал в окно. Унтер засуетился и велел им убираться. Старик кланялся мне в пояс и плакал...” (VIII, 182).

В метрических книгах сохранилось несколько записей о крещении Герценом детей дворецкого, “дворового служителя Спиридона Федорова”. Так, 17 июня 1820 г. у Федорова родилась дочь Агриппина, восприемником при крещении был “воспитанник господина Яковлева Александр Иванов”⁴⁴; 3 декабря 1821 г. у того же Спиридона Федорова родился сын Николай – “восприемником был воспитанник Александр Иванов Герцен”⁴⁵; 27 июля 1824 г. “в доме Гвардии отставного Капитана Ивана Алексеевича Яковлева у дворового его человека Спиридона Федорова родилась дочь Ольга (...) восприемником был коллежский регистратор Александр Иванович Герцен”⁴⁶ и, наконец, 31 июля 1828 г. сына Спиридона Федорова крестил “Губернский Секретарь Александр Иванович Герцог” (!) вместе с “канцеляристом Сергием Львовичем Левитским” и “Губернского Секретаря дочерью Татианой Петровною Кучиной”⁴⁷.

Из Пречистенского частного дома в Штатном переулке Герцена возили на допросы в дом обер-полицейстера на Тверском бульваре. Однажды по пути сопровождавший его квартальный поручик Борзов завез Герцена в дом отца – произошло это 7 августа 1834 г. Полицейский Борзов, как говорилось в приказе по московской полиции от 26 августа 1834 г., был отрешен от должности “с преданием суждению за упущение по службе”⁴⁸. Несколько раньше по московской полиции был отдан другой приказ: “Определяется в Штат Полиции Брантмейстером отставной Поручик Иван Скаредка, который и назначается в Сретенскую часть”⁴⁹ – это назначение и явилось “тридцатью сребрениками”, выплаченными за провокационную пирушку 8 июля 1834 г., которая была устроена этим полицейским агентом.

В начале сентября 1834 г. Герцена переводят из здания Пречистенской полицейской части в Крутицкие казармы (1-й Крутицкий переулок, № 4-а), в которых он и

^{3*} Впоследствии каланча все-таки была построена – в ноябре 1835 г. для нее производилась склейка деревянных щитов⁴².

МОСКВА. ДОМ Е.Н. ЛЕВАШОВОЙ НА ПОКРОВКЕ

Чертеж фасада, 1834

Центральный исторический архив научно-технической документации г. Москвы

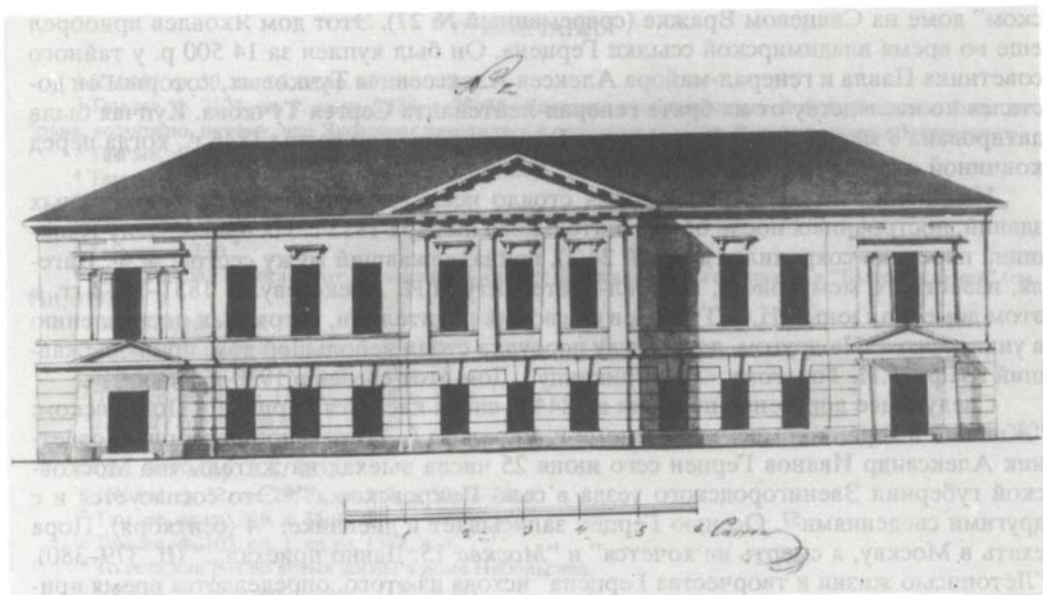
В доме Е.Н. Левашовой в 1819–1821 гг. жил И.А. Яковлев с семьей

будет находиться во время следствия. Казармы были расположены в зданиях бывшего Крутицкого архиерейского дома, с XV в. резиденции митрополитов Сарских и Подонских. В 1788 г. епархия была упразднена, и часть строений передана в военное ведомство.

Следственная комиссия, судя по словам Герцена в “Былом и думах”, заседала в доме князя С.М. Голицына: “Комиссия собиралась в библиотеке князя Сергея Михайловича” (VIII, 207). Там же и объявили приговор 31 марта 1835 г. Всех осужденных собрали “к князю Голицыну” (VIII, 210). Председатель следственной комиссии князь С.М. Голицын владел тогда домом, находившимся в Малом Знаменском переулке (ныне № 1); во дворе сохранился перестроенный и надстроенный дом.

Герцен был отправлен в ссылку, из которой он в 1838 г. тайно приезжает в Москву для свидания с Н.А. Захарьиной. Она жила тогда в доме, принадлежавшем М.А. Хованской, который находился на Поварской улице, почти на углу с Трубниковским переулком⁵⁰ (здесь в 1911–1914 гг. был выстроен по проекту архитектора Л.В. Стеженского большой доходный дом, № 29). Тогда на участке (план 1834 г.), по красной линии Поварской улицы, стоял небольшой одноэтажный деревянный дом с мезонином, уничтоженным в 1843 г. В нем жила Н.А. Захарьина, сюда приехал Герцен ранним мартовским утром 1838 г.: “Вот Поварская, – дух занимается, в мезонине, в угловом окне, горит свечка, это ее комната...” (VIII, 363).

После ссылки Герцен ненадолго приезжает в Москву в 1839 и 1840 гг., а через два года, в июле 1842 г., поселяется в “первопрестольной столице” до самого отъезда из России в январе 1847 г. Первоначально он останавливается, по сведениям М.К. Рейхель⁵¹, в доме княгини Е.С. Гагариной в Малом Власьевском переулке (ул. Танеевых, № 6–12; дом не сохранился). В деле о надзоре за Герценом мы читаем: “Пречистенский частный пристав доносит, что состоящий под секретным надзором полиции надворный советник Александр Иванов Герцен 13-го числа настоящего августа месяца, прибыв из Новгорода в Москву, остановился на жительство той

МОСКВА. ДОМ А.П. ПЛАУТИНОЙ НА НИКИТСКОЙ УЛ.
(НЫНЕ УГОЛ УЛ. ГЕРЦЕНА И СУВОРОВСКОГО БУЛЬВАРА)

Чертеж фасада, 1834

Центральный исторический архив научно-технической документации г. Москвы
В этом доме прошли детство и юность Огарева. Ныне дом очень сильно перестроен

же части 4 квартала в доме г. Яковлева, за коим надзор поручено иметь квартальному надзирателю Яворовскому^{52 4*}. Возможно, что сразу после приезда Герцен поселился в доме отца, но позднее переехал в дом кн. Гагариной поблизости. Только так, пожалуй, можно объяснить расхождение в датах между временем возвращения Герцена с семьей в Москву (14 июля) и донесения полицейского пристава (13 августа) – если считать, что М.К. Рейхель не ошиблась, называя первым местом жительства Герцена по его приезде – дом Е.С. Гагариной.

Полицейские агенты в Москве регулярно сообщали о передвижениях Герцена, но надо сказать, что их датировки в некоторых случаях существенно расходятся с датами, приводимыми самим Герценом в дневнике. Так, 14 июня 1843 г. он записывает о переезде в Покровское: “Третьего дня мы приехали сюда...” (II, 285). Пречистенский же частный пристав 12 июля сообщает московскому обер-полицмейстеру Л.М. Цынскому, что “живший в вверенной ему части в доме княгини Гагариной состоящий под секретным надзором полиции надворный советник Александр Иванов Герцен 12 числа настоящего, т.е. июля, месяца выехал в имение свое, состоящее Московской губернии Звенигородского уезда в село Покровское, во время же жительства его здесь предосудительного за ним ничего замечено не было”⁵³.

“С 26 в Москве”, – записывает Герцен в дневнике 9 сентября 1843 г. (II, 305). Полиция в этом случае точно отметила его приезд – московский вице-губернатор извещал обер-полицмейстера: “Получив донесение звенигородского исправника, что состоящий под надзором полиции надворный советник Александр Герцен 26 минувшаго августа отправился из Звенигородского уезда на жительство в Москву, я имею честь уведомить о сем ваше превосходительство”⁵⁴.

В сентябре этого года Герцен с семьей поселяется в так называемом “тучков-

^{4*} Это был тот Яворовский, который арестовал Герцена в 1834 г. и которого Герцен звал “Я – воровский” (Лассек II, 78).

ском” доме на Сивцевом Вражке (современный № 27). Этот дом Яковлев приобрел еще во время владимирской ссылки Герцена. Он был куплен за 14 500 р. у тайного советника Павла и генерал-майора Алексея Алексеевича Тучковых, которым он достался по наследству от их брата генерал-лейтенанта Сергея Тучкова. Купчая была датирована 8 мая 1839 г.⁵⁵ В этом доме Герцен прожил до весны 1846 г., когда перед кончиной отца он переехал в “большой” дом.

Напротив этих домов в то время стояло несколько деревянных одноэтажных зданий, построенных после опустошительного пожара 1812 г. На правом углу Каложина переулка сохранился дом (№ 24/2), принадлежавший мужу сестры Ф.Ф. Вигеля, известного мемуариста, генерал-лейтенанту И.И. Алексееву. В 1831–1832 гг. в этом доме жил юный И.С. Тургенев со своими родителями, готовясь к поступлению в университет. На другом, левом углу переулка стоял небольшой дом, принадлежавший графу Ф.И. Толстому – “Американцу”. Дом этот снесен в 1930-х годах.

Следующее донесение полиции в 1844 г. снова касается Герцена в Покровском: “Живший в веренной мне части в доме г. Яковлева (...) отставной надворный советник Александр Иванов Герцен сего июня 25 числа выехал на жительство Московской губернии Звенигородского уезда в село Покровское...”⁵⁶ Это согласуется и с другими сведениями⁵⁷. Осенью Герцен записывает в дневнике: “4 (сентября). Пора ехать в Москву, а смерть не хочется” и “Москва 15. Давно приехал...” (II, 379–380). “Летописью жизни и творчества Герцена” исходя из этого, определяется время приезда писателя – “сентября около 10”⁵⁸. В полицейском донесении сообщается, возможно, более точная дата приезда: “Сего сентября 12-го числа Московской губернии Звенигородского уезда из села Покровского прибыл на жительство отставной надворный советник Александр Иванов Герцен...”⁵⁹; по сообщению же звенигородского исправника, Герцен “выехал из Звенигородского уезда в Москву 6 числа сего сентября”⁶⁰.

С большим опозданием пристав Пречистенской части отреагировал на отъезд Герцена в следующем году – он сообщил в своем рапорте от 25 июня 1845 г., что Герцен “вчерашнего числа выехал на лето на дачу г. Дивова Московского уезда близ Черной Грязи...”⁶¹, а он еще 12 июня отправил из Соколова письмо Краевскому.

Из Соколова Герцен вернулся в конце сентября – начале октября⁶², а в полицейском рапорте было сообщено, что “состоящий под секретным надзором надворный советник Александр Иванов Герцель (!) и штаб-лекарь коллежский асессор Кеччер (!) выехали на жительство в Москву 6 числа сего сентября”⁶³, но о его приезде в Москву было сообщено только 6 октября (!): “Александр Иванович Герцен прибыл вчерашнего числа Московского уезда из дачи г. Дивова, что близ Черной грязи...”⁶⁴

В 1846 г., после смерти (6 мая) отца, Герцен с семьей переселяется в “Большой дом”. Он начинает хлопотать о заграничном паспорте, и для этого ему приходится отправиться в Петербург. По различным причинам отъезд его задержался, и он смог выехать только 1 октября 1846 г. Перед тем пристав Пречистенской части сообщил обер-полицмейстеру И.Д. Лужину, что “состоящему под секретным надзором надворному советнику Александру Иванову Герцен согласно предписания господина московского полицмейстера 2 отделения от 25 апреля 1845 г. за № 119, следовавшего по предписанию вашего превосходительства того же года за № 145, выдано 29 сего сентября за № 702 свидетельство на один месяц для проезда в С.-Петербург...”⁶⁵

Из Петербурга Герцен, вероятно, выезжает 1 октября⁶⁶. О времени его возвращения в Москву свидетельствует донесение полиции, где говорится, что он “прибыл из С.-Петербурга сего 22 октября и остановился (...) в своем доме...”⁶⁷

Это были последние месяцы жизни Герцена в России. Получив заграничный паспорт, он с семьей 19 января 1847 г. покидает Москву. Запоздалой реакцией полиции является сообщение полицмейстера о том, что 31 января им дано знать частным приставам об “освобождении Герцена от полицейского надзора...”⁶⁸ В этот день Герцен пересек границу николаевской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦИАМ, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 451, л. 140об.
- ² Там же, ф. 2124, оп. 1, ед.хр. 2326, л. 78об. — Фамилия внебрачных детей А.А. Яковлева была выбрана, возможно, потому, что Яковлевы находились в родстве с древним боярским родом Захарьиных.
- ³ Там же, л. 96об.
- ⁴ Там же, л. 109.
- ⁵ Там же, л. 110.
- ⁶ Там же, л. 125об.
- ⁷ Там же, л. 130.
- ⁸ *Пассек* I, 280. Рассказ этот, возможно, восходит к рассказу самого Герцена в "Былом и думах" (см. VIII, 319).
- ⁹ РА, 1874, № 4, стб. 1058.
- ¹⁰ *ЦАНДТ*, Арбатская часть, ед.хр. 582.
- ¹¹ ЦИАМ, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 500, л. 38.
- ¹² Там же, ф. 54, оп. 140, ед.хр. 25, л. 1–15.
- ¹³ *ЦАНДТ*, оп. 10, ед.хр. 81, 82.
- ¹⁴ *Пассек*, I 109.
- ¹⁵ См., например, *ЛЖГИ*, 31.
- ¹⁶ ЦИАМ, ф. 32, оп. 20, ед.хр. 312, л. 50об.–51об.
- ¹⁷ Там же, ед.хр. 301, л. 35об.
- ¹⁸ Там же, ф. 105, оп. 1, ед.хр. 1332, л. 3.
- ¹⁹ То есть как раз во время жизни в доме Небольсина.
- ²⁰ ЦИАМ, ф. 2124, оп. 1, ед.хр. 1132, л. 48.
- ²¹ Там же, л. 156 об.
- ²² Там же, ф. 32, оп. 20, ед.хр. 383, л. 59–59об.
- ²³ Там же, ед.хр. 385, л. 52.
- ²⁴ Там же, ф. 2125, оп. 1, ед.хр. 1132, л. 48.
- ²⁵ Там же, л. 52.
- ²⁶ Там же, ф. 32, оп. 20, ед.хр. 270, л. 57.
- ²⁷ С.К. Романюк. Улица Чернышевского ("Вопросы истории", 1980, № 11, с. 183).
- ²⁸ ЦИАМ, ф. 203, оп. 747, ед.хр. 967, л. 418.
- ²⁹ Там же, ф. 32, оп. 20, ед.хр. 313, л. 30.
- ³⁰ Там же, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 515, л. 137.
- ³¹ Там же, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 485, л. 212об.
- ³² *ЦАНДТ*, Пречистенская часть, ед.хр. 359, л. 1.
- ³³ См., например, Н. Анциферов. Литературная Москва 30–40-х годов XIX века. Литературные экскурсии по Москве. М., 1948, с. 121. Однако дом сломан был, вероятно, в 1920-х годах, судя по сообщению в журнале "Творчество" (1920, № 1, январь, с. 35): "К сожалению, в настоящее время дом этот, так тесно связанный с именами Герцена и Огарева, находится в полном забросе и обречен, по-видимому, на уничтожение". В этом же номере журнала помещена гравюра И.Н. Павлова, изображающая "старый" дом (с. 6).
- ³⁴ ЦИАМ, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 485, л. 208об.
- ³⁵ Там же, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 499, л. 130.
- ³⁶ "По Москве". М., 1917, с. 338.
- ³⁷ ЦИАМ, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 474, л. 21об.; ф. 46, оп. 52, л. 1, 74.
- ³⁸ "Вся Москва на 1917 год". М., 1917, стлб. 41 (1-й пагинации), стлб. 694 (4-й пагинации).
- ³⁹ *ЦАНДТ*, Пречистенская часть, ед.хр. 232.
- ⁴⁰ ЦИАМ, ф. 1286, оп. 2, ед.хр. 216-а, л. 117.
- ⁴¹ Там же, ф. 46, оп. 8, ед.хр. 3518, л. 169.
- ⁴² Там же, л. 202.
- ⁴³ Там же, ф. 1488, оп. 2, ед.хр. 900, л. 5.
- ⁴⁴ Там же, ф. 2122, оп. 1, ед.хр. 981, л. 75об.
- ⁴⁵ Там же, ф. 203, оп. 745, ед.хр. 233, л. 61об.
- ⁴⁶ Там же, ед.хр. 248, л. 449об.
- ⁴⁷ Там же, ед.хр. 271, л. 165.
- ⁴⁸ Там же, ф. 46, оп. 8, ед.хр. 4702, л. 147.
- ⁴⁹ Там же, л. 119.
- ⁵⁰ *ЦАНДТ*, Арбатская часть, ед.хр. 111.
- ⁵¹ *Рейхель*, 29.
- ⁵² ЦИАМ, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 3.
- ⁵³ Там же, л. 5.
- ⁵⁴ Там же, л. 7.
- ⁵⁵ Там же, ф. 50, оп. 14, ед.хр. 512, л. 267об.
- ⁵⁶ Там же, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 10.
- ⁵⁷ *ЛЖГИ*, 308.
- ⁵⁸ Там же, с. 315.

⁵⁹ ЦИАМ, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 12.

⁶⁰ Там же, л. 13.

⁶¹ Там же, л. 22.

⁶² ЛЖГ I, 344.

⁶³ ЦИАМ, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 26.

⁶⁴ Там же, л. 27.

⁶⁵ Там же, л. 28.

⁶⁶ В ЛЖГ I приводится дата – 14 октября (с. 370).

⁶⁷ ЦИАМ, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 29.

⁶⁸ Там же, л. 38.

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЧЛЕН КРУЖКА ГЕРЦЕНА

Сообщение М.К. Перкаля

“Ты меня спрашиваешь, зачем я живу в Одессе? Разве это от меня зависит? Я долго боролся с упрямою волею отца, но она победила. Впрочем, я надеюсь, что мое затворничество не будет продолжительно: еще год, и я полечу туда, где указывают мне цель ум и сердце. До тех пор я буду жить мечтами; письма твои будут освежать мой сиротеющий дух, в них я нахожу тот голос и те звуки, которые мне издавна милы. Они, однако ж, слишком редки; из всех моих товарищей только ты не забываешь меня”¹.

Так начиналось письмо, отправленное Герцену из Одессы 18 августа 1834 г.

До адресата письмо не дошло: за месяц до этого Герцен был арестован и вскоре предстал перед Следственной комиссией по обвинению в вольнодумстве. В руках полиции оказались также и его друзья и знакомые – Огарев, Н.М. Сатин, В.И. Соколовский, И.А. Оболенский и другие – всего двадцать человек. При аресте были захвачены рукописи художественных и публицистических произведений, письма, программа издания журнала и другие материалы.

Власти были убеждены, что раскрыто тайное общество. Было отдано распоряжение – подвергать перлюстрации все поступающие на имя арестованных письма. 1 сентября московский почт-директор А.Я. Булгаков передал в руки следователей копию письма, посланного к Герцену из Одессы.

В этом перехваченном письме не было ничего “крамольного”, ничего такого, что могло бы дать основание для обвинения автора письма или его корреспондента в принадлежности к тайному обществу. По своему характеру оно не отличалось от большинства других писем, отобранных при аресте. Но перепуганные следователи все же сумели обнаружить в этом дружеском послании “опасное вольномыслие”.

Было установлено, что письмо написано М.М. Иваненко, служившим в канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова. В Одессу был послан секретный запрос о политической благонадежности этого чиновника. Одновременно Герцену пришлось дать показания о характере своих отношений с Иваненко. На допросе 1 ноября 1834 г. Герцен заявил: “В 1831 или 1832 году познакомился я с Моисеем Михайловичем г. Иваненкою, выпущенным из благородного пансиона, который около сего времени уехал в Одессу, где служил при военном генерал-губернаторе графе Воронцове; переписки я с ним не имел, но несколько раз писал к нему, не помню вообще о чем; но последние два письма состояли в просьбе к нему прислать статью в предполагаемый мною Альманах на 1835 год; он обещал прислать и о сем писал, кажется, два раза. Прочих писем не припомню” (XXI, 427–428).

В своих показаниях Герцен, разумеется, постарался преуменьшить степень своей близости с автором письма, но перлюстрированный документ красноречиво свидетельствовал о дружбе и единомыслии обоих молодых людей. Иваненко называл в числе своих ближайших друзей Н.И. Сазонова, Н.М. Сатина и Огарева (двое из них находились под арестом), сетовал на то, что они не пишут, и выражал готовность “тремя письмами отвечать на их одно”.